

Глава 25

— Братик!

— Братик!

Вэй Чэн отложил топор и обернулся. Горшочек и Синьэр, обгоняя друг друга, неслись прямо к нему.

— Братик, смотри! У Горшочка рот!

Малыш широко открыл ротик.

Юноша осторожно взял его за подбородок и осмотрел. Белые язвочки, мучившие ребенка последние пару дней, почти исчезли: краснота и отек сошли, остались лишь бледные следы. Болеть больше не должно.

— Братик... — Кроха присел на корточки рядом и, склонив голову набок, заглянул брату в глаза. — Теперь Горшочку можно... кушать конфетку?

Он усмехнулся:

— Можно.

Увидев, как глаза брата округлились от восторга, а сам он уже приготовился сорваться с места в сторону дома, Вэй Чэн вовремя перехватил его за стеганный рукав.

— Но только не так много, как раньше.

Малыш обиженно выпятил губу и жалобно протянул:

— Ну почему-о-о?

Юноша поднялся, собрал наколотые дрова и принялся аккуратно складывать их под навесом. Закончив, он подхватил Горшочка на руки и зашагал к хижине.

— Помнишь, как во рту болело?

Малыш потер пухлую щечку и совсем по-взрослому вздохнул:

— Болело. Сильно.

Вэй Чэн легонько коснулся его век:

— А кто это у нас в самый первый день Нового года получил целый короб сладостей, но мог на них только смотреть? Кто это ночью лежал на кане, обнимал брата и плакал горькими слезами, жалуясь на боль?

Горшочек послушно указал на себя пальчиком:

— Это был малютка Горшочек.

— Так вот, если этот малютка снова будет есть сладости вместо еды, язвочки вернутся уже завтра. Хворь эта уходит быстро, но возвращается еще быстрее. Ты хочешь каждый день мазать рот тем горьким порошком? Или хочешь, чтобы снова стало больно?

Мальчик крепко обхватил брата за шею. В его глазах отразился неподдельный страх:

— Братик, Горшочек не хочет, чтобы было больно.

— Тогда не бойся. Пока ты не ешь слишком много сахара, боль тебя не найдет.

Вэй Чэн усадил его на край кана и достал свертки с угощениями.

— Давай так: две кунжутные конфеты и два кусочка пастилы в день. Идет?

Горшочек смешно завращал глазами, глядя на подошедшего волчонка:

— А Синьэр?

Старший брат посмотрел на черного пушистого зверька и улыбнулся:

— Он такое не ест.

— А братик?

— И братик не ест.

Поняв, что найти повод выпросить лишний кусочек не получится, Горшочек взял свои четыре сладости и понуро пробормотал:

— Ладно...

Разве бывают дети, которые не любят сладкое? Вэй Чэн помнил, что в его возрасте он и сам был не прочь полакомиться, но позже, познав настоящий голод, научился ценить простую кашу и мясо куда больше сахара.

Он ласково взъерошил волосы брата:

— Не грусти. Теперь у нас есть деньги, и вкусной еды будет вдоволь. Но если конфеты испортят тебе зубки, ты не сможешь есть ничего другого. А ведь на свете полно вещей гораздо вкуснее пастилы.

Горшочек слушал очень внимательно. Его черные глазки блеснули, и он важно, подражая взрослым, пролепетал:

— И то верно. Твоя правда.

Вэй Чэн не удержался и легонько ущипнул его за мягкую щеку:

— Вот и молодец. А теперь поиграй с Синьэром, а я займусь обедом.

Сегодня шел лишь третий день Нового года. Из-за болезни Горшочка многие припасы остались нетронутыми: Вэй Чэн так сопереживал плачущему от боли брату, что и самому кусок в горло не лез.

Оставались еще пельмени с мясом и луком, что они лепили накануне праздника. Юноша разогрел котел, плеснул на дно масла и, когда над чугуном поднялся легкий дымок, аккуратно выложил их в масло.

Вскоре по кухне разнесся аппетитный шкварчащий звук. Пельмени начали подрумяниваться. Он осторожно перевернул их палочками несколько раз, добиваясь идеальной золотисто-коричневой корочки, и выложил на тарелку. Вспомнив наказ лекаря Ци о легкой пище, Вэй Чэн ополоснул несколько листьев капусты талой водой и бросил их в кипяток. Буквально через минуту он достал размякшую зелень, выложил горкой и добавил сверху каплю густого бобового соуса. Так получилась простая закуска на пару.

Напоследок он нарезал приличный кусок бараньей ноги, присланной из поместья Ли, прогрел мясо в котле и подал на стол.

Обед получился на славу. Юноша, вытирая руки, крикнул:

— Горшочек, за стол!

Едва он договорил, как малыш и волчонок уже стояли у очага.

Вэй Чэн положил несколько пельменей и куски баранины в миску Синьэра. Немного подумав, он добавил туда же лист капусты. Он знал, что Горшочек ни за что не притронется к зелени по доброй воле, но, увидев, как волчонок уплетает всё подряд, из чистого упрямства съест пару кусочков.

— Сперва попробуй баранину, — предложил Вэй Чэн.

Сам он пробовал это мясо лишь раз в жизни, несколько лет назад. Тогда его отец подстрелил на горе старого козла. Мяса на нем было мало, шерсть никуда не годилась, да и продать его целиком за приличные деньги не вышло бы. Тогда отец позвал мясника, разделал тушу, продал часть соседям, а Цинь-ши сварила из остатков целый котел похлебки.

Вэй Чэн до сих пор помнил вкус той единственной чашки бульона.

Отец тогда сказывал, что баранина — это не свинина. Если свинья стоит монет тридцать за цзинь, то за доброго горного козла просят все пятьдесят, а за отборную овцу могут и сотню потребовать.

Вэй Чэн не знал, какую именно баранину прислали из поместья Ли, но стоило ему откусить кусочек, как рот наполнился божественным ароматом. Снаружи мясо было хрустящим, а внутри — нежным и невероятно сочным. Легкий специфический запах лишь подчеркивал вкус пряностей и поджаристой корочки.

Горшочек ел так усердно, что его губы блестели от красного масла. Он отправил в рот очередной кусок и, едва прожевав, восторженно вскрикнул:

— Братик, овечка очень вкусная!

Юноша улыбнулся:

— Вкуснее конфет, а?

Малыш закивал и вдруг указал на Синъэра, который тоже всю грыз косточку:

— Синъэр теперь будет... Овечка!

Видно, в его сердце появилось нечто, затмившее любовь к сушеному абрикосу.

Но называть маленького волка «Овечкой»...

Вэй Чэн посмотрел на волчонка, который, не подозревая о смене имени, преспокойно вилял хвостом, уткнувшись носом в миску.

Юноша решил заступиться за зверя:

— Синъэр уже привык к своему имени. Если ты вдруг его переименуешь, он расстроится.

Мальчик отправил в рот румяный пельмень и, причмокивая, невнятно предложил:

— Тогда... Пельмень!

Горшочек любил всё, что в данный момент находилось у него во рту.

Вэй Чэн рассмеялся и ласково погладил его по голове:

— Ах ты, маленький обжора. У тебя каждый день по сто новых затей.

Когда с мясом было покончено, Горшочек потерся головой о руку брата, похлопал себя по круглому животу и жалобно протянул:

— Братик, Горшочек не хочет... травку.

Юноша усмехнулся. Он так и знал, что без этого не обойдется.

— Братик ест травку, Синьэр ест травку... Неужто только наш Горшочек откажется?

Он подцепил палочками длинный лист капусты и свернул его:

— А ну-ка, давай я тебя покормлю.

Малыш сморщил носик, но всё же послушно открыл рот.

Однако после двух кусочков он наотрез отказался продолжать, и Вэй Чэн, поддавшись на его ласковые уговоры, не стал невольничать.

«Что ж, в следующий раз просто порублю капусту помельче и сделаю начинку для лепешек или булочек», — решил он.

Занимаясь посудой, юноша вдруг заметил, что в комнате стало подозрительно тихо. Обернувшись, он увидел, что Горшочек обнимает волчонка и что-то жарко шепчет ему прямо в ухо.

Подойдя ближе, Вэй Чэн услышал:

— Синьэр, больше нельзя... кушать травку.

— Если ты будешь кушать травку, Горшочку тоже дадут.

— Если ты еще раз съешь, Горшочек... Горшочек тогда...

Вэй Чэн замер, гадая, чем же малыш может припугнуть зверя.

— Горшочек не разрешит братику лепить тебе... снежок!

— Снежок круглый, холодный, его можно кидать очень далеко! — Малыш гордо выпрямился. — Это братик слепил... для Горшочка!

Синьэр, словно поняв угрозу, заискивающе лизнул мальчика в щеку.

Горшочек залился звонким смехом, а потом, откашлявшись, строго добавил:

— Ну ладно. Попрошу братика слепить тебе один. Но только один, понял?

Юноша лишь покачал головой и вернулся к своим делам.

***

Праздничные дни пролетели незаметно. Оглянуться не успели, как на календаре уже было четырнадцатое число первого месяца.

За это время в деревне случились две смерти. Первым преставился Гоу Саньши. Сказывали, когда родня забрала его домой, денег на лекарства не нашлось. Он до последнего цеплялся за жизнь, никак не желая закрывать глаза. Никто точно не знал, когда именно испустил он дух: одни говорили, что еще до Нового года, другие — что на днях. Его жена, пробыв в доме мужа всего пару дней, забрала детей и сбежала к родителям. Ни отец, ни мать, ни братья к нему и не заглянули. Лишь шестого числа жена вернулась и подняла крик, обнаружив тело.

Второй покойник — Вэй Саньнянь. Раны от волчьих зубов в паху оказались слишком глубокими. Никакие снадобья не помогали, и вскоре после праздников он скончался. В доме Вэев поднялся плач, говорили, Старая госпожа Вэй даже лишилась чувств. Но едва она пришла в себя, как вторая ветвь семьи окончательно отделилась, и старуха снова упала в обморок.

Теперь в старом доме остались лишь овдовевший третий дядя с детьми, Вэй Линьлан да сама бабка.

В те же дни по деревне поползли слухи об истории с подменной молодых господ семьи Линь и Вэй Линьлан. Кое-кто из сельчан специально разузнал в городе: Ли Юньань и впрямь существовал, но происхождение его было сомнительным. Семья Ли его не признавала, лишь выделяла деньги на содержание его и матери. Жили они не в поместье, а в скромном домике в одном из глухих переулков. С тех пор Вэй больше не хвастались родством с богачами — видать, и сами побрезговали таким «зятцем».

Пятнадцатое число первого месяца — Праздник весенних фонарей.

Только в этот вечер улицы городка заливал свет тысяч огней, а на площадях выступали заезжие труппы.

Староста распорядился, чтобы две деревенские повозки доставили людей в город и подождали до полуночи, чтобы отвезти всех обратно.

Вэй Чэн и Горшочек, будучи детьми, прибились к семье Доумяо.

Когда они добрались до города, уже начало смеркаться. Издалека городок казался сказочным царством: повсюду развешаны цветные фонари, лавочники наперебой предлагают игрушки из глины и сладости. По улицам гуляли нарядные юноши и девушки, даже деревенские мужики постарались одеться поприличнее.

Матушка Доумяо вела Горшочка за руку и поясняла:

— Праздник весенних фонарей почти как Праздник седьмой ночи, только еще лучше. Зимой работы нет, никто не занят в поле, вот все и выходят погулять. Говорят, многие именно в этот вечер находят свою судьбу, а потом засылают сватов.

Её сын, услышав это, осмотрел себя с головы до ног и поправил воротник:

— Матушка, а я хорош? На меня кто-нибудь засмотрится?

Вэй Чэн не сдержал смешка. Доумяо было всего девять лет — рановато он начал о таком задумываться.

Матушка Доумяо тоже не осталась в долгу и отвесила сыну легкий подзатыльник:

— Засмотрится?! Да ты только есть горазд! Кому нужен такой «воспитанник для зятьев»!

Мальчик, потирая зад, заверещал на всю улицу. Горшочек потянул женщину за руку:

— Тетушка, а кто такой «воспитанник для зятьев»?

— Это когда маленького мальчика берут в семью невесты, растят его, а когда он повзрослеет — женят на своей дочери или гээре.

Женщина погладила Горшочка по щеке и, взглянув на Вэй Чэна, со смехом добавила:

— Вот если бы Горшочек был гээром, твой братик вырастил бы тебя, а потом взял бы в мужья.

Юноша вспыхнул и замахал руками:

— Тетушка, ну что вы такое говорите!

Глаза Горшочка сперва радостно вспыхнули, но потом он разочарованно шмыгнул носом:

— Но Горшочек ведь... малютка-ханцзы.

Доумяо тут же вставил свои пять копеек:

— Ханцзы тоже могут жениться на ханцзы! У моего двоюродного дяди муж — ханцзы! Правда, они вроде как...

Малыш снова засиял.

Мальчик не успел договорить — мать снова наградила его шлепком:

— Хватит нести чепуху! Я пошутила, а ты и рад подхватить!

Доумяо с хохотом бросился бежать, увлекая за собой Вэй Чэна.

Юноша то и дело оглядывался на брата, но толпа напирала, и через мгновение Горшочек с родителями друга исчезли из виду.

— Братик Чэн, да расслабься ты! — крикнул Доумяо. — Погуляй хоть разок нормально! С моими родителями Горшочек в полной безопасности!

Вэй Чэн нахмурился:

— Мы даже не предупредили его... Вдруг плакать начнет?

— Он так любит мою мамку, что и не вспомнит о тебе! — Доумяо схватил с лотка маску тигра и покрутил перед лицом. — К тому же, когда ты женишься, ты что, тоже будешь Горшочка везде за собой на веревочке таскать? Даже если ты захочешь, он сам убежит.

Юноша усмехнулся, вспомнив недавнее. Он коснулся маленькой маски в виде волчьей морды и негромко обронил:

— А ведь малютка Горшочек как-то предлагал мне самому стать его невесткой...

Друг смешно сморщил нос, явно не поняв шутки, и спросил у торговца:

— Почем маска тигра?

Торговец, едва успевая принимать деньги, мельком глянул на них:

— Одна — три монеты, две — за пять.

Вэй Чэн посмотрел на друга:

— Выбрал?

— Ага.

Мальчик полез за кошельком, но Вэй Чэн уже протянул пять монет продавцу. Юноша взял маску тигра и ту самую маску волчонка. Его товарищ удивился:

— Братик Чэн, зачем ты взял волка? Там же были такие красивые птички и цветы.

Вэй Чэн покрутил в руках волчью мордочку:

— Ему эта понравится гораздо больше.

Они прошли мимо рядов со сладостями и вскоре увидели мясника Ма: он держал на руках зарезанного Горшочка, а матушка Доумяо всю пыталась его утешить.

Юноша бросился к ним и перехватил брата:

— Что случилось? Почему глаза красные?

Горшочек вцепился в шею брата мертвой хваткой и уткнулся лицом в его плечо.

Матушка Доумяо возмущенно затараторила:

— Мы шли себе спокойно, как вдруг встретили наших деревенских. Увидели они, что мы с мужем ведем Горшочка, и давай его дразнить! Мол, бросил тебя брат, уехал на волах в деревню один, а тебя нам отдал насовсем... И ведь не один раз сказали, ироды!

Вэй Чэн нежно погладил его по спине:

— Тетушка, дядя, я отойду с ним ненадолго, успокою. Мы вас догоним.

Женщина кивнула и указала вперед:

— Мы будем там, где фонари с загадками. Не потеряйтесь!

Отведя Горшочка в сторону, юноша достал маску волчонка:

— Горшочек, ну-ка посмотри, что это?

Малыш не шелохнулся.

Вэй Чэн огляделся и, заметив лавку с юаньсяо, усадил брата на свободное место.

— Смотри, какой грозный волк! Наденешь ее, выскочишь к Синъэру... Представляешь, как он испугается? — Юноша заглянул в заплаканное лицо брата, который обиженно ковырял пальчиком край стола.

Малыш искоса глянул на маску, шмыгнул носом и отвернулся. Видно было, что маска ему страсть как нравится, но обида еще не прошла.

— А мы ведь еще не пробовали праздничных шариков, — продолжал Вэй Чэн. — Они такие вкусные: снаружи нежное тесто, а внутри сладкая начинка из кунжута, арахиса или пастилы... Хочешь?

Горшочек сглотнул слюну и шмыгнул носом:

— Братик ушел играть... и не сказал Горшочку.

— Братик виноват. Обещаю, теперь я всегда буду тебе говорить, куда иду.

Кроха снова тихонько хмыкнул.

Вэй Чэн вложил маску ему в руки:

— Нравится?

Малыш развел пальчики на крохотное расстояние:

— Только вот на столечко.

— И этого хватит! — Юноша надел маску на брата и преувеличенно восхитился: — Ой! Кто это у нас тут? Что за статный и грозный молодец!

Горшочек в маске принялся крутить головой. Лица его не было видно, но по тому, как он заболтал ножками под столом, стало ясно — обида забыта.

Вскоре принесли две большие чаши с дымящимися юаньсяо. Пять жемчужно-белых шариков плавали в прозрачном сладком отваре.

За обе чаши пришлось отдать пятнадцать монет.

Вэй Чэн снял с него маску:

— Сначала поешь, согрейся, а потом пойдем гулять.

Горшочек принялся за еду. Он подцепил ложкой шарик, осторожно откусил — нежное рисовое

тесто растянулось, и наружу потекла густая, горячая начинка из арахиса.

Когда с угощением было покончено, братья почувствовали приятное тепло. Малыш снова надел маску, выставил вперед ладошки и, подражая Синъэру, негромко рыкнул:

— Я больше... не Горшочек!

Вэй Чэн, сдерживая смех, подыграл ему:

— А кто же ты тогда?

— Я — маленький волк!

Услышав взрывы хохота и одобрительные выкрики неподалеку, юноша подхватил брата на руки:

— И этот маленький волк укусит братика?

Горшочек обнял его за шею:

— Не укусит. Даже если я волк, братик всё равно братик.

— Значит, ты — мой маленький волчонок.

Юноша легонько похлопал его по спине и вздохнул:

— Прости, что напугал тебя...

Горшочек тихонько кивнул:

— Угу. Очень испугался...

Вэй Чэн решил перевести всё в шутку:

— Ну, значит, сегодня опять в постель описаешься?

Малыш снова рыкнул:

— Братик плохой! Волк укусит братика!

Они вышли на улицу, уставленную рядами фонарей. Вокруг толпились люди, в основном книжники в чистых халатах и нарядные гээры. Все они с азартом разгадывали загадки.

Вдруг голос лавочника перекрыл шум толпы:

— Ну что, таланты и красавицы, загадки кончились! Но наш главный приз нельзя выиграть умом — тут нужна только удача!

— Удача?

— Как это, хозяин? Объясни толком!

— Ха-ха! Я за вечер уже десять фонарей выиграл, но этот «Золотой дракон» — моя мечта!

— И я такой хочу! Ишь, какой величественный!

Торговец довольно потер руки:

— Отгадать загадку стоит монету. Но чтобы испытать удачу в борьбе за «Золотого дракона», нужно выложить двадцать монет! Если вытянете счастливый жребий — я верну вам ваши двадцать монет и отдам фонарь!

— Двадцать монет за раз?!

— Ох и дорого...

— Если вытянешь — вернет, а если нет — прощай, денежки... Ну и затея!

Торговец хлопнул в ладоши, и двое помощников вынесли огромный фонарь в виде золотого дракона. Он был сделан настолько искусно, что казалось — зверь вот-вот взметнется в небеса.

— В начале года всем вам, почтенные ученые, предстоят экзамены, — вкрадчиво заговорил лавочник. — Какое доброе знамение — получить такого дракона! Кто станет его владельцем, тот наверняка займет первое место в списках!

Услышав это, многие книжники полезли за кошельками:

— Я попробую! Вот мои деньги!

— И я!

— Двадцать монет за такую удачу — не жалко!

Торговец достал бумажный короб:

— Здесь шестьдесят шесть свернутых бумажек. Тот, кто вытянет листок с изображением цветка сливы, и заберет «Золотого дракона»!

Несколько человек один за другим вытянули пустые жребии. Кто-то, не желая верить в неудачу, тратил еще двадцать монет, но короб оставался неумолим. Люди хмурились, но не уходили — всем хотелось увидеть счастливого.

Лавочник, ничуть не смущаясь, с улыбкой наблюдал за суетой.

Вдруг Вэй Чэн заметил в толпе своего двоюродного брата Вэй Чжи. Тот, обычно молчаливый и скупой, тоже решился и протянул торговцу двадцать монет.

Вэй Чэн взглянул на довольное лицо лавочника, затем на подстрекателей в толпе и, разгадав нехитрую уловку, лишь презрительно хмыкнул. Он уже хотел уйти, но Горшочек дернул его за рукав:

— Братик, давай... вытянем!

Юноша покачал головой:

— Братик книг не читал и на экзамены не собирается. Зачем нам тратить двадцать монет впустую?

Горшочек в своей волчьей маске смешно закрутил головой:

— Но Горшочек хочет... фонарик!

<http://bllate.org/book/15346/1372685>